

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРФЕМНОГО ПОВТОРА И СИНТАКСИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Т. П. Карпухина

Дальневосточный государственный гуманитарный университет

Поступила в редакцию 26 ноября 2012 г.

Аннотация: рассматривается взаимодействие таких синтагматических явлений, как морфемный повтор и синтаксический параллелизм, в англоязычной художественной прозе. Это взаимодействие находит самые разные формы проявления, что обусловлено как неоднородностью морфемной итерации, так и многообразием синтаксических параллельных конструкций. Извлекая различные способы языкового выражения, потенциально присущие морфемному и синтаксическому повтору, которые реализуются при их взаимодействии, писатели опираются на две противоположные тенденции – к упорядоченности и отступлению от нее, в чем проявляется сосуществование двух эстетических начал – аполлонического и дионисийского – в художественном творчестве.

Ключевые слова: морфемный повтор, синтаксический параллелизм, разнообразие форм их взаимодействия, аполлоническая упорядоченность, дионисийское нарушение упорядоченности.

Abstract: the research is focused on the interrelation of morphemic repetition and syntactical parallelism in the English literary prose. Their interaction manifests itself in various ways which is preconditioned by the heterogeneity of morphemic repetition and the multiplicity of syntactically parallel structures. The interrelation of the phenomena under analysis provides the authors with an artistic tool that brings into effect an interplay of two aesthetically relevant basic tendencies, the one symbolizing the Apollonic regulation and order, the other – the Dionysian attempt to overstep the established rules.

Key words: morphemic repetition, syntactical parallelism, diversity of forms of their interrelation, the Apollonic principle, the Dionysian principle.

Настоящая статья посвящена изучению совместного функционирования в англоязычной художественной прозе таких синтагматических явлений, как морфемный повтор и синтаксический параллелизм. Объект рассмотрения составили текстовые цепочки слов с тождественной морфемой, входящие в качестве составных частей в синтаксическую параллельную конструкцию. Прежде чем обратиться к анализу фактического материала, представим используемые в статье понятия.

Морфемный повтор, выделенный в свое время античной риторикой и получивший общее название «гомеология», включает в себя такие разновидности, как повтор флексий (гомеотелевтон), повтор корня на основе формоизменения (полиптотон) и словообразования (парегменон) [1, с. 175, 210–211]. В настоящее время принято различать повторы корневые, префиксальные, суффиксальные, флексийные [2, с. 416]. Помимо истинных, в языке выделяют также квази- и псевдоморфемы [3], повторяемость которых в тексте приводит к квази- и псевдоморфемной итерации.

Морфемная, или частичная итерация традиционно входила в сферу интересов специалистов, изучающих теорию и практику стихосложения. Ю. М. Лот-

ман отмечает: «Первые рифмы строились как грамматические или корневые. Основная масса рифм имела флективный характер» [4, с. 68]. Флективная рифма, называемая «эмбриональной» [5, с. 420], поэтами ценилась невысоко и всячески избегалась. В народной же поэзии морфемный повтор как корневой, так и аффиксальный не только флективный, но и словообразовательный получил широкое распространение, свидетельством чему служат фольклорные рифмы «бегут бегунчики, реут ревуны», «хаживали, плясывали» и т.п. [6, с. 29–30].

В последнее время все большее внимание лингвистов привлекает применение частичной итерации в художественной прозе, изучаемое на материале разных языков: русского [7, с. 53–54], английского [8], немецкого [9; 10].

Вместе с тем следует признать, что лингвисты находятся лишь на подступах к изучению рассматриваемого явления. О всестороннем и исчерпывающем исследовании морфемного повтора говорить не приходится. Многие вопросы, связанные с функционированием частичной итерации в литературном произведении, еще ждут своего разрешения. Так, не получил освещения феномен совместной встречаемости в тексте морфемной итерации и синтаксичес-

кого параллелизма, и, следовательно, взаимодействие этих разноуровневых видов повтора еще не подвергалось предметному исследованию.

Речь идет не о простом сосуществовании феноменов, данных нам в реальном текстовом пространстве. Вспомним, что слово «реальность» восходит к латинскому *res* (вещь). Нас же интересует не только вещьность, субстанциональность морфемного и синтаксического повторов, но и их взаимоотношения, взаимодействие. В связи с этим нелишне привести следующее высказывание, трактующее реальность как идентифицируемую прежде всего не с веществом (субстанцией), а «с действием и взаимодействием, динамической связью» [11, с. 79]. Говоря о взаимодействии, не следует забывать и о субстанциональном аспекте рассматриваемых явлений, который во многом определяет характер их взаимоотношений. Необходимо учитывать и то, что взаимодействие предполагает многообразную, всестороннюю взаимную зависимость явлений друг от друга, и установление этой зависимости есть непростая задача, разрешить которую можно не сразу, «а только шаг за шагом» [12, с. 46, 48].

Что касается параллелизма, то в качестве исходного в данной работе принимается определение синтаксического параллелизма, основанного на повторении в однотипных синтаксических позициях однотипных синтаксических единиц с разным или сходным лексическим наполнением, допускающим такой повтор слов (знаменательных и служебных), который не разрушает параллелизм абсолютным лексическим тождеством. Параллельными могут быть как предложения, так и словосочетания.

Параллельные конструкции могут встречаться в рамках одного предложения или разных предложений, расположенных на таком близком друг от друга расстоянии, чтобы читатель мог заметить указанный параллелизм.

Анализ англоязычного художественного прозаического текста выявляет многообразие форм, в которых находит свое отражение взаимодействие разноуровневых видов повтора – морфемного и синтаксического. Это, в первую очередь, обусловлено субстанциональной разнородностью морфемной итерации, позволяющей соотнести в тексте разные виды морфем. Во взаимодействие с синтаксическим параллелизмом вступает как корневая, так и аффиксальная – суффиксальная и префиксальная – итерация:

He would be free, finally, from himself. With Mavis *he would be carefree* <...> (Caldwell T., 1977, p. 235);

True, generous feeling is made small account of by some: but here were two natures rendered, *the one intolerably acrid*, *the other despicably savourless* for the want of it (Bronte Ch., 1954, p. 303);

No matter if my work is unusual, *no matter if it is unfit*, for prudential reasons, for their pages, surely there

must be some sparks in it, somewhere, a few, to warm them to some sort of appreciation (London J., 1980, p. 227).

Читатель способен воспринять повтор не только пассивно, но и активно, т.е. апперцептивно, осознавая повтор и морфемы, и синтаксической структуры. И это осознанное восприятие, предполагающее анализ, разделение слов на компоненты, а предложений – на одинаковые синтаксические конструкции, не препятствует пониманию содержания отрывка. Привлечение внимания к форме не означает вообще отвлечения от содержания: «Никогда анализ явления не устраняет самого явления» [13, с. 215].

Разнообразие форм взаимодействия морфемного повтора и синтаксического параллелизма проявляется в их способности взаимно связывать слова, соотносительные в плане членности. Так, в следующем предложении соотнесены словообразовательно-членимые слова со свободным корнем, содержащие общую суффиксальную морфему, представленную в разных вариантах *-ence /-ance*:

It's about what gets rubbed off between *the persistence of the one* and *the resistance of the other* (Swift G., 1999, p. 239).

В параллельных структурах могут сопоставляться слова со связанным корнем, членимые на уровне морфемки:

It is *not violence* that best overcomes *hate* – *nor vengeance* that most certainly heals *injury* (Bronte Ch., 1954, p. 80).

Не являются исключением и слова, содержащие псевдоморфему в своем составе:

Robert thought, *his flushed young face disturbed*, *his blue eyes distressed* (Caldwell T., 1977, p. 272).

В параллельных структурах могут использоваться слова и с разной членностью, как явствует из следующего предложения, где соотнесены слова, подлежащие сегментации на словообразовательном (см. свободный корень *nerve*) и морфемном (см. связанные корни *ludicr-*; *fatu-*) уровнях:

He saw himself as *a ludicrous figure*, <...> *a nervous*, well-meaning *sentimentalist* <...>, *the pitiable fatuous fellow* he had caught a glimpse of in the mirror (Joyce J., 1996, p. 251).

С одной стороны, в этом отрывке находит свое воплощение мысль Ю. М. Лотмана о таком повторении одинакового, которое нацелено на то, чтобы «приравнять неравное и раскрыть сходство в различном» и в то же время «раскрыть мнимый характер этой одинаковости, установить отличие в сходном» [14, с. 65, 67].

С другой стороны, очевидно и то, что для языкового сознания, втягивающего в синтаксические параллельные конструкции рассматриваемые слова, важна не строго очерченная, научно обоснованная

сегментация, а сам факт членности слова на его составляющие, вне зависимости от их системно-языкового статуса. Релевантным оказывается объединение в одной точке обозримого пространства разных видов повтора: синтаксического и морфемного. Существенным является совпадение позиций, занимаемых словами с общей морфемой, что делает симметричность конструкций еще более явной.

Говоря о многообразии форм, в которых проявляется взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма, нельзя не отметить, наряду со сложностью, разнородностью одного явления, неоднородность другого. Традиционно различают неполный и полный параллелизм, в зависимости от того, охватывает ли он «только часть синтаксической структуры каждого из сопоставляемых отрезков речи» или «распространяется на эти отрезки целиком» [15, с. 269].

Полный параллелизм встречается в основном в структурах, состоящих из небольшого числа слов:

“<...> It's unfortunate for him that he didn't live –”. “But fortunate for you,” said Jonathan (Caldwell T., 1977, p. 48).

Далеко не исключением предстает параллелизм в более протяженных конструкциях:

It is true that in exact proportion as he became manageable by Kit he became utterly ungovernable by anybody else <...> (Dickens Ch., 1952, p. 329).

Параллелизм может охватывать всё предложение целиком, простое и сложное:

It is a pathetic thing. It is a tragic thing (Caldwell T., 1977, p. 622);

He didn't seem to think that was very funny. And neither did I. But he didn't seem to think it was especially unfunny, either (Warren R. P., 1979, p. 93).

Приведенные примеры демонстрируют высокую степень уподобления конструкций как в синтаксическом, так и в лексическом плане. Значительное сходство характеризует не только структуру соотносимых конструкций, обеспеченную параллелизмом, но и их лексическую наполняемость. Содействует упорядоченности и морфемный, в данном случае корневой и аффиксальный, повтор.

Подобная высокая степень упорядоченности наблюдается, однако, не столь часто. Как показывает анализ материала, тенденция к уподоблению обычно уравновешивается тенденцией к расподоблению. Трагично это явление в терминах противопоставления аполлонического/дионисийского [16], предполагающего соблюдение или нарушение эстетических принципов порядка, симметрии, подобия и т.п. [17, с. 192], можно увидеть явное стремление авторов преодолеть абсолютизацию того и другого начал. Художники слова стараются избегать как тождественности синтаксических структур с практически совпа-

дающей лексикой, так и значительного разнообразия в этом плане. Чаще всего при взаимодействии морфемного повтора и синтаксического параллелизма используется параллелизм, охватывающий часть предложения. В зачаточной, эмбриональной форме его можно усмотреть в двучленной конструкции с повтором служебного слова, например предлога или частицы:

The O'Haras were a clannish tribe, clinging to one another in prosperity as well as in adversity <...> (Mitchell M., 1974, p. 49);

They know what you are, a small-time, small-town fraud, with no ambition, no imagination (Caldwell T., 1977, p. 336).

В приведенных структурах явно проступает значимость строевых, служебных элементов, не являющихся самостоятельными частями речи, но играющих важную смыслообразующую роль в контексте высказывания [18, с. 57]. Будь иначе, не возникло бы необходимости усиливать их повтором и создавать с их помощью простейшую форму параллелизма, привлекая к выделенным таким образом словам особое внимание.

К подобным простым структурам, содержащим служебное слово, примыкают сочетания, включающие местоимения и наречия:

But in these exciting days her widowhood and her motherhood weighed less heavily upon her than ever before (Mitchell M., 1974, p. 310);

Isaac Ford was gone, but he, his son, carried on the good work at least as inflexibly if not as masterfully (London J., 1950, p. 219).

Двучленные параллельные структуры с морфемным повтором могут состоять и из слов, семантически более полновесных и самостоятельных, чем предлоги, частицы, местоимения и пр. При этом они, как правило, по-аполлонически упорядочены и симметричны:

<...> where the air seemed at once remarkably pure and unusually cold (Priestley J. B., 1974, p. 189);

The laughter and talking rose and fell in the dark night air, pleasant, homely, carefree sounds, gutterally soft, musically shrill (Mitchell M., 1974, p. 63).

Сказанное не означает невозможности нарушения подобной аполлонической стройности и симметричности. Еще Ф. Шеллинг отмечал, что прекрасное в искусстве не сводится к «прилизанности, прилаженности», а «чистота отделки» – не главное достоинство произведения. В подобной прилаженности проявляется не стиль, а «манерность», которая обнаруживается в «нарочитости», в «неспособности преодолеть известные особенности формы» [19, с. 206]. Упорядоченность может также стать манерностью, если забыть, что единство существует только в многообразии и что деструктивное начало так же уместно, как и конструктивное. Приведем примеры трех па-

параллельных конструкций, явно не соблюдающих аполлоническую упорядоченность:

It was that made me angry, and so pert, and so unkind, and so ungrateful (Thackeray W., 1951, p. 272);

Nothing contentious for our Childe, nothing controversial, nothing dangerous (Caldwell T., 1977, p. 292);

All the time he was away from her she had summed him up, seen his littleness, his meanness and his folly (Lawrence D. H., 1977, p. 260).

Нарушение упорядоченности, означающее проявление дионисийского начала в словесном творчестве, идет здесь по линии вторжения в синтаксические параллельные конструкции таких слов, которые не соблюдают принципа морфемной общности. Они вклиниваются в параллельные сочетания, занимая в них все возможные позиции: инициальную (*pert*), медиальную (*controversial*), финальную (*folly*). Морфемный повтор в этих случаях отсекается по типу аферезиса, синкопы и апокопы соответственно.

Приведенные выше примеры включали двучленные сочетания, объединенные морфемным повтором и синтаксическим параллелизмом, которые составляют большинство представленных в материале конструкций. Ненамного уступают им в распространенности и трехчленные цепочки, различающиеся своей структурой. Приведем, например, сочетания существительного с прилагательными и прилагательного с наречиями:

<...> I was struck besides with the shocking expression of his face, with his remarkable combination of great muscular activity and great apparent debility of constitution <...> (Stevenson R. L., 1963, p. 170);

Oh, why was he so handsomely blond, so courteously aloof, so maddeningly boring with his talk about Europe and books and music and poetry and things that interested her not at all – and yet so desirable? (Mitchell M., 1974, p. 28).

Отмеченные трехчленные цепочки демонстрируют полный параллелизм структур, при котором в однотипных позициях стоят однотипные единицы. Это касается и слов с общей морфемой, обнаруживающих взаимную соотношенность. В большинстве случаев они состоят из одинакового числа морфем, совпадают в слоговой и акцентной структурах, что свидетельствует о значительной роли симметрии и ритма в их взаимоотношениях. Иными словами, взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма здесь таково, что связываемые ими слова взаимно согласованы и по-аполлонически упорядочены. Приведем пример другого рода, показывающий, что указанное взаимодействие можно обыгрывать, по-дионисийски отступая от строгой регулярности и упорядоченности:

He found that the newspaper storyette should never be tragic, should never end unhappily, and should never

contain beauty of language, subtlety of thought, nor real delicacy of sentiment (London J., 1980, p. 222).

Прежде всего, отметим, что начало предложения также характеризуется трехкратным параллелизмом структур, вводимых модальным глаголом *should* и негативным наречием *never*. Далее следует трехкратный параллелизм других структур, в которых участвуют существительные абстрактной семантики. В связи с этим укажем на то, что согласно принципу «воронки Шеррингтона», простое повторение воспринимается сознанием как монотонное и безразличное. Нарушение же «монотонности, то есть появление новых, неожиданных раздражителей обостряет восприятие» [13, с. 233]. Подобное действие оказывает использование в замыкающей части предложения слова *delicacy*, прерывающего морфемную итерацию, к тому же сопровождаемого определением (*real*), которого были лишены предшествующие существительные с общей морфемой.

Писатели как истинные художники слова используют все возможные ресурсы языка и способы построения речи, чтобы творчески подойти к проблеме упорядоченности и ее нарушения во взаимодействии морфемного повтора и синтаксического параллелизма. Интересный пример такого согласования и одновременно рассогласования видим в следующем предложении:

The mainspring of his *existence* was taken away when she died and with it had gone his bounding assurance, his impudence and his restless activity (Mitchell M., 1974, p. 427).

Здесь одновременно встречаются три параллельные конструкции, из которых первая и вторая объединены морфемной итерацией, но разъединены по числу составляющих их членов. Первая и третья связаны притяжательным местоимением и общим количеством слов в их составе. Причиной рассогласования каждый раз оказывается разный фактор: то количественный (число компонентов в сочетании), то качественный (наличие/отсутствие слова с тождественной морфемой). Первое сочетание служит некоей нормой, образцом, на который ориентируются последующие сочетания в своеобразной игре подчинения/неподчинения. Выбирая разные основания для подражания, они, таким образом, каждый раз возвращают наше внимание к началу, к норме, поскольку «само нарушение нормы есть напоминание о ней» [4, с. 695]. Интересно, что тождественная морфема впервые появляется в слове *existence*, предваряющем, но не входящем в параллельные структуры. И эта начальная позиция еще более усиливает значимость повторяющейся морфемы, бросая ответ на одноморфемные слова, охватываемые параллелизмом.

Степень упорядоченности напрямую зависит от количества используемых в тексте параллельных

конструкций. По мере увеличения последних упорядоченность становится менее очевидной. Приведем пример, показывающий, как при переходе от одной параллельной структуры к другой автор намеренно создает и тут же разрушает складывающуюся упорядоченность:

Quickness of mind, subtlety of idea, fortuitousness of opportunity, made it possible for some people to right their matrimonial and social infelicities; whereas for others, because of dullness of wit, thickness of comprehension, poverty and lack of charm, there was no escape from the slough of their despond (Dreiser Th., 1954, p. 155).

Видно, как слово с суффиксальной морфемой *-ness* в первом субстантивном сочетании отдает инициальную позицию слову с морфемой *-ity* во втором сочетании, затем слова с указанными суффиксами объединяются в третьем сочетании и т.д. Но при всей игре морфемных итераций нельзя не заметить высокой степени упорядоченности отрывка, обеспеченной шестикратным параллелизмом – повтором трехчленной синтаксической структуры, не говоря уже о повторах морфем, находящихся за пределами параллельных конструкций (*matrimonial – social; infelicities, poverty*).

Отмечая разнообразные формы проявления взаимодействия морфемного и синтаксического повторов, необходимо подчеркнуть тяготение авторов в основном к бинарному параллелизму – двукратному соотношению параллельных структур. Эта закономерность присуща всем цепочкам, вне зависимости от количества составляющих их конститuentов:

Winifred seemed to be seated there, like the tomb of his *manhood* and his *fatherhood* (Lawrence D. H., 1955, p. 130);

It was no mere *pretentiousness*, no silly *snobbishness* (Cronin A., 1963, p. 356);

<...> she had felt that *intoxication of the moment, that dilation of the nerves of the heart itself* <...> (Woolf V., 1996, p. 191);

He was a *careful man with his words* as well as a *watchful one with his eyes* (Wells H., 1959, p. 384).

Следует все же отметить, что многочленные конструкции, подобные тем, которые приведены в последних двух предложениях, не отличаются большой распространенностью. В рассмотренном материале явственно проступает закономерность, согласно которой в англоязычном художественном тексте преобладают двух-, трехчленные словосочетания с морфемным повтором, охватываемые параллельным биномом – двукратным синтаксическим параллелизмом.

Итак, использование в художественном тексте таких синтагматических явлений, как морфемный повтор и синтаксический параллелизм, не представляет собой некий случайный феномен, не подда-

ющийся никаким закономерностям. Совместное функционирование данных явлений высвечивает их взаимную связь и соотнесенность, что проявляется в различных формах, не сводимых к одной схеме или шаблону. Разнообразие форм их взаимодействия находит обоснование в неоднородности как морфемной итерации, так и синтаксического параллелизма. Морфемный повтор и синтаксический параллелизм способны объединять разнообразные сочетания слов, различающиеся в отношении статуса повторяющейся морфемы и структуры синтаксической конструкции. Наиболее распространенными являются сочетания из двух или трех языковых единиц, объединенных морфемной итерацией и, как правило, двукратным синтаксическим параллелизмом.

Извлекая различные способы языкового выражения, потенциально присущие морфемному и синтаксическому повтору и реализующиеся при их взаимодействии, писатели опираются на две противоположные тенденции: к упорядоченности и отступлению от нее, в чем проявляется состязание двух начал – аполлонического и дионисийского – в художественном творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хазагеров Г. Г. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. – М. : Флинта, 2009. – 432 с.
2. Москвин В. П. Стилистика русского языка : теоретический курс / В. П. Москвин. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 630 с.
3. Кубрякова Е. С. О типах морфологической членности, квазиморфах и маркерах / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1970. – № 2.
4. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб., 2001. – 848 с.
5. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение / Б. В. Томашевский. – Л., 1959. – 537 с.
6. Якобсон Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – М. : Высшая школа, 1987.
7. Николина Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М. : Academia, 2003. – 256 с.
8. Карпухина Т. П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры / Т. П. Карпухина. – Хабаровск : ДВГТУ, 2006. – 392 с.
9. Орлова О. А. Роль словообразовательных средств в формировании когерентности текста в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Орлова. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2002. – 20 с.
10. Снежкова И. А. Функции словообразовательных конструкций в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Снежкова. – М. : МГУ, 2000. – 17 с.
11. Говинда Л. А. Искусство и медитация / Л. А. Говинда // Психология художественного творчества : хрестоматия. – Минск : Харвест, 2003. – С. 70–91.

12. Мах Э. Познание и заблуждение : очерки по психологии исследования / Э. Мах. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. – 456 с.

13. Салямон Л. О физиологии эмоционально-эстетических процессов / Л. Салямон // Психология художественного творчества : хрестоматия. – Минск : Харвест, 2003. – С. 214–253.

14. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман. – Тарту, 1964. – Вып. 1.

15. Хазагеров Т. Г. Общая риторика : курс лекций. Словарь риторических приемов / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – 320 с.

16. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше. – СПб. : Азбука, 2000. – 232 с.

17. Бычков В. В. Эстетика / В. В. Бычков. – М. : Гардарики, 2004. – 556 с.

18. Фоменко И. В. Практическая поэтика / И. В. Фоменко. – М. : Академия, 2006. – 192 с.

19. Шеллинг Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг. – М. : Мысль, 1999. – 608 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Bronte Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1954. – 572 p.

Caldwell T. Testimony of Two Men / T. Caldwell. – Greenwich, Conn. : Fawcett Books, 1977. – 703 p.

Cronin A. The Citadel / A. Cronin. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1963. – 475 p.

Dickens Ch. The Old Curiosity Shop / Ch. Dickens. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1952. – 671 p.

Dreiser Th. The Financier / Th. Dreiser. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1954. – 566 p.

Дальневосточный государственный гуманитарный университет

Карпукхина Т. П., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии

E-mail: artemij1@rambler.ru

Тел.: 8-924-236-14-80

Joyce J. Dubliners / J. Joyce. – L. : Penguin Books, 1996. – 256 p.

Lawrence D. H. Odour of Chrysanthemums and Other Stories / D. H. Lawrence. – М. : Progress Publishers, 1977. – 296 p.

Lawrence D. H. Sons and Lovers / D. H. Lawrence. – Ware, Hertfordshire : Wordsworth Classics, 1995. – 418 p.

London J. Martin Eden / J. London. – Kiev : Dnipro Publishers, 1980. – 367 p.

London J. Short Stories / J. London. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1950. – 399 p.

Mitchell M. Gone with the Wind / M. Mitchell. – L. : Pan Books, 1974. – 1011 p.

Priestley J. Angel Pavement / J. Priestley. – М. : Progress Publishers, 1974. – 504 p.

Stevenson R. L. The Pavilion on the Links. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde, and Other Stories. Essays. Poems / R. L. Stevenson. – М. : Progress Publishers, 1963. – 516 p.

Swift G. Waterland / G. Swift. – L. : Picador, 1999. – 358 p.

Thackeray W. Vanity Fair : in Two Parts / W. Thackeray. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1951. – Part 1. – 442 p.

Warren R. P. All the King's Men / R. P. Warren. – М. : Progress Publishers, 1979. – 448 p.

Wells H. The Door to the Wall and Other Stories / H. Wells. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1959. – 431 p.

Woolf V. Mrs. Dalloway / V. Woolf. – L. : Penguin Books, 1996. – 213 p.

Far Eastern State University of Humanities

Karpukhina T. P., Doctor of Philology, Professor of the English Philology Department

E-mail: artemij1@rambler.ru

Tel.: 8-924-236-14-80